

В.В. МАЛАШКЕВИЧ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

ВЛИЯНИЕ «СТРАШНЫХ» РАССКАЗОВ Э. ПО НА ТВОРЧЕСТВО А. БИРСА

В критической литературе справедливо отмечается влияние, оказанное Э. По и в частности, его теорией «единства эмоционального эффекта», на творчество А. Бирса в области композиции и проблематики «страшных рассказов» [1]. Вместе с тем было бы ошибочно говорить о подражании А. Бирсом художественной манере Э. По. Основываясь на теории жанра новеллы, предложенной в свое время Э. По, А. Бирс создавал свои рассказы, обладающие рядом особых, лишь ему свойственных характерных черт, что позволяет говорить о нем как о художнике оригинальном, не лишенном самобытности. Прежде всего, это касается еще большей, чем у Э. По, лаконичности и краткости новелл. Новеллы А. Бирса предельно сжаты и обнаруживают тенденцию к дальнейшему уменьшению своего объема в более поздний период творчества писателя.

Вслед за Э. По, А. Бирс пошел по пути ограничения литературных условностей жесткой логичностью, рациональностью анализа коллизий и достоверностью конкретных деталей, наблюдений, штрихов. Тем не менее, романтическая поэтика требовала образности и символизма, которые нашли отражение в некоторых произведениях обоих авторов.

Так, название Совиный ручей в новелле А. Бирса «An Occurrence at Owl Creek Bridge» намекает на птиц, которые ассоциируются с мудростью и смертью, а мост является символом связи с загробным миром. Черный кот в рассказе Э. По «The Black Cat» символизирует дурное предзнаменование: в начале истории рассказчик вспоминает слова своей жены, «which regarded all black cats as witch es indisguise» [2, с. 330], а первого кота зовут Плутон – по имени римского бога подземного мира.

Глаза в произведениях обоих авторов обычно вселяют беспокойство, тревогу, а порой и ужас в главных героев. В них опасность, рок, подчас сама смерть. Глаза змеи, парализующие главного героя рассказа А. Бирса «The Man and the Snake», глаза пантеры, вселяющий страх (А. Бирс «The Eyes of the Panther»), «Evil Eye» старика, проникающий в суть вещей и в душу убийцы в новелле Э. По «The Tell-Tale Heart» («no human eye – not even his – could have detected any wrong» [2, с. 262]) и, конечно, садистский вырезанный глаз у любимого кота (Э. По «The Black Cat») – обозначают какую-то тайну, связывающую двух героев.

Подчас невооруженным глазом видно сходство избираемых обоими писателями идей. Мрачная, устрашающая обстановка, ночь, замкнутое

пространство прельщали обоих писателей. Если первое впечатление состоит в том, что А. Бирс перенял у Э. По некое пристрастие к могилам, склепам и кладбищам, то при более внимательном анализе представляется возможным отметить перекличку лейтмотивов в творчестве писателей и некую скрытую полемику А. Бирса со своим великим предшественником.

Это видно на примере новелл Э. По «The Premature Burial», «The Fall of the House of Usher» и произведений А. Бирса «An Occurrence at Owl Creek Bridge», «The Boarded Window».

У обоих авторов в «страшных рассказах» присутствует рассказчик. Но, если у Амброза Бирса – это посторонний, не всегда видимый читателям герой, то в произведениях Эдгара По – это главный герой, здравомыслящий, способный анализировать, делать выводы и оценивать совершенные им поступки под воздействием странных, порой, непонятных сил.

Также героям Э. По чаще удавалось выжить, испытав ужас скорой гибели. Например, жертва инквизиции, подвергшаяся смертельной казни в камере с колодцем и маятником, спасается в последний момент генералом Лассалем («The Pit and the Pendulum»). В то время как у А. Бирса страх и ужас перед смертью выполнял свою зловещую миссию («The Man and the Snake», «One of the Missing», «The Suitable Surrounding», «The Damned Thing»).

Так, новеллы А. Бирса «One of the Missing» и Э. По «The Premature Burial» могут быть соотнесены по сходству ситуации, в которую попадают их персонажи: человек, оказывающийся в условиях замкнутого пространства на грани жизни и смерти. Однако развитие сюжета, и финал вызывают у читателя абсолютно противоположные чувства.

В новелле А. Бирса разведчик Джером Сиринг, придавленный балками полуразвалившегося дома, погибает, но не от увечий и даже не от голода или жажды. Его смерть – редчайший пример психического свойства: Сиринг умирает от перенапряжения, вызванного страхом, что его ружье, отнесенное взрывом на грудь обломков, при малейшем движении выстрелит ему в голову. Таким образом, солдат, потенциально способный мыслить и действовать, находящийся в полном здравии и к тому же вдали от неприятеля, в результате погибает. Однако под видимостью алогизма у А. Бирса скрывается закономерность, обусловленная трагической виной героя. Она заключается в его адаптации к бойне, к насильственной смерти. Сиринг – не просто жертва рокового стечения обстоятельств. Он – осквернитель «... the Power charged with the execution of the work according to the design had provided against that mischance ...» [3].

В рассказе Э. По «The Premature Burial» рассказчик – человек, страдающий каталепсией. Неоднократно он впадал в летаргический сон на

несколько дней или недель. Однажды рассказчик проснулся от очередного ночного кошмара в полном беспомоществе, в душной атмосфере и обстановке абсолютного покоя. Открыв глаза, он увидел только абсолютную темноту. Навеванный страхами инстинктивный крик не удался, поскольку челюсти были чем-то подвязаны. Руки, лежавшие ранее скрещенными на груди, при попытке поднять их наткнулись на что-то деревянное и прочное чуть выше головы. Одновременно рассказчик понял, что странный запах – это запах сырой земли. «I could no longer doubt that I reposed within a coffin at last» [2, с. 24].

Однако на самом деле путешествовавшего рассказчика застал дождь. Он спрятался на барже, груженной садовой землей, заночевал в маленькой каюте и подвязав себе голову шелковым платком вместо ночного колпака. Все остальное было плодом известной направленности его мысли. Пережитое потрясение заставило рассказчика навсегда расстаться со своими могильными страхами. Более того, его покинули и сами приступы каталепсии. Так, заживо погребенный в рассказе «One of the Missing» утрачивает мистический ореол и оказывается жертвой войны, тогда как у Э. По в новелле «The Premature Burial» это оказывается лишь сном.

Исследователь творчества А. Бирса А.Б. Танасейчук, отмечая его приверженность творческому наследию Э. По, в первую очередь, говорит о влиянии Э. По на А. Бирса-новеллиста в области формы и композиции [1]. Причем теорию жанра Э. По А. Бирс принял как руководство к действию, экспериментируя в сфере композиции рассказа, углубляя и разрабатывая новеллистические принципы Э. По. Поэтому появились новеллы с незавершенной структурой, в которых отсутствует развязка («John Mortonson's Funeral» («Погребение Джона Мортонсона», 1909), рассказы с нетрадиционным построением («The Suitable Surrounding»). Эксперименты привели писателя к созданию совершенно оригинальной композиционной структуры произведения. Строение большинства произведений Э. По можно представить так: завязка – развитие действия – кульминация – развязка (время наступления эффекта).

А. Бирс вводит дополнительную деталь в композицию. Его модель построения новеллы можно представить так: завязка – обширная композиция – кульминация – псевдоразвязка – развязка. Так построено большинство новелл А. Бирса, среди них такие как «The Man and the Snake», «An Occurrence at Owl Creek Bridge», «The Suitable Surrounding», «The Eyes of the Panther», «The Boarded Window», «A Tough Tussle» и многие другие. Введение двойной развязки не было случайным, подобным образом А. Бирс добивался усиления эмоционального эффекта, увеличения драматизма повествования. Обычно псевдоразвязка являла собой удачное разрешение конфликта, положенного в основу сюжета, развязка же

истинная развенчивала мнимый хэппи-энд и окрашивала повествование в трагические тона.

Основополагающим элементом поэтики, работающим на достижение данного нужного эффекта, является введение А. Бирсом псевдоразвязки. В данном рассказе он использует ее дважды в пределах весьма ограниченного объема текста. Кроме того, А. Бирс сознательно нарушает хронологию и логику изложения. Данное смешение повествовательных пластов нарушает ожидание читателя, создавая эффект шока, когда ожидаемый читателем финал рассказа оказывается диаметрально противоположным. Данный эффект также достигается путем использования А. Бирсом резкой демонстративной асимметрии между событием рассказа, которое, по сути, представлено движением псевдособытий, и формальной предельной сжатостью и беспристрастностью повествования развязки.

С введением подобной двойной развязки А. Бирс достигает высшей степени того эмоционального эффекта, которому еще Э. По придавал решающее значение в построении произведения. Истинные развязки новелл А. Бирса всегда неожиданные и зачастую противоречат всему ходу повествования; это свойство связано с той особой функцией, которая возложена на них автором. Истинная концовка всегда усиливает драматизм, доводит конфликт до наивысшего предела, нередко граничащего с абсурдом. Но самое главное заключается в том, что неожиданность и кажущаяся алогичность второй развязки напрямую связана с теорией «единства эмоционального эффекта» Э. По. Следовательно, эффект неожиданности работает в сфере эмоционального воздействия, помогая достигать той высокой степени эмоционального потрясения, к которой одинаково стремились и Э. По и А. Бирс, предавая ему основополагающее значение.

Таким образом, мы видим, что каждый из авторов имеет свои, свойственные лишь ему черты, несмотря на использование схожих приемов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Танасейчук, А.Б. Традиции литературы США XIX века и творчество А. Бирса / А.Б. Танасейчук. Автореферат. – Л., 1989. – 26 с.
2. По, Э.А. Заживо погребенный. Рассказы: Книга для чтения на английском языке / Э.А. По. – СПб. : КАРО, 2010. – 368 с.
3. Ambrose Bierce: free web books, online. – Режим доступа : <http://ebooks.adelaide.edu.au/b/bierce/ambrose/index.html> – Дата доступа : 10.05.2014.